

Лу Юань изо всех сил пытался уговорить Фу Синчэня подписать соглашение на двойную степень не потому, что тот был невероятно талантлив, а потому, что это было крайне необходимо.

Исследования в области альфа-омега динамики, как в Китае, так и за рубежом, застряли на промежуточном этапе, словно туман, скрывающий истину. Лу Юань не мог утверждать, что ключ к прорыву лежит в каком-то конкретном человеке, но он верил, что этот прорыв произойдет именно в их поколении.

Однако желающих заниматься такими нишевыми научными исследованиями было крайне мало, и даже проекты, связанные с АО, встречались редко.

Казалось, люди предпочитали исследовать космос и пределы человеческих возможностей, но редко заглядывали внутрь себя.

В молодости Лу Юань мечтал написать достаточно толстую книгу, на корешке которой красовалось бы его имя.

С возрастом его мечта изменилась: теперь он хотел прочесть больше книг, на корешках которых было бы множество имен.

Пусть исследования, которые я люблю, процветают, и путь, который я выбрал, будет освещен светом.

— Лу Юань

Тан Сун заметил, что Фу Синчэнь в последнее время снова стал очень занят. Тот часто брал отгулы во второй половине дня, и когда Фу Синчэнь был занят, Тан Сун тоже не мог расслабиться. Хотя Су Иянь и не был человеком, Тан Сун не мог отрицать его способности. Су Иянь был гуманитарием.

Он отличался от тех, кто любил рассуждать обо всем на свете. Су Иянь редко цитировал классиков, но его мастерство было очевидным.

До начала второго года обучения Су Иянь собирался пригласить его на ужин, но Тан Сун, вспомнив о совести, предложил отложить это на потом.

Су Иянь тоже «вспомнил о совести» и устроил тренировочный дебат в обеденное время. Он попросил помощи у участников дискуссионного клуба, и к концу обсуждения у Тан Суна пересохло в горле.

Су Иянь отвел Тан Суна в сторону:

— Эй, через два дня будет соревнование, приготовь заключительную речь.

Заклучительную речь Тан Сун всегда считал обязанностью Су Ияня. В дебатной команде, организованной Су Иянем, было четыре человека: первый и второй выступающие представляли аргументы, третий задавал вопросы, а четвертый подводил итоги.

Су Иянь, не будучи человеком, заставил всех написать речи для первого, второго и четвертого выступающих, и только сегодня сообщил Тан Суну, что он будет третьим... Третьему вообще не нужна речь, черт возьми!

— Я уже написал восемьсот речей, и еще одну? К тому же разве ты не должен подводить итоги?

— Возможно, я не буду подводить итоги, и мы поменяемся ролями.

— Почему?

Су Иянь почесал голову:

— Зачем тебе столько вопросов? Просто напиши речь и отправь мне вечером.

— Ты больной, чувак. Посмотри на мои круги под глазами, — Тан Сун указал на свои глаза.

— Это не круги, это мешки. Не притворяйся, — недовольно ответил Су Иянь, закатив глаза. — Просто помоги, и после соревнования я позволю тебе выйти из команды.

— Как вдруг у тебя появилась совесть?

Су Иянь фыркнул:

— Если я участвую, проигрыш невозможен. Я просто подстраховываюсь.

— Ну ты даешь.

Тан Сун нашел в углу бутылку воды и начал пить большими глотками:

— Ладно, я напишу тебе заключительную речь вечером, а ты принеси мне перекус.

— Что ты хочешь?

Тан Сун подумал:

— Кашу.

— Перекус кашей? Ты в порядке?

— А тебе какое дело? Принеси две порции, — Тан Сун стукнул Су Ияня бутылкой по голове. — Только не из грязных заведений.

— Может, я сам сварю?

— Ну давай.

Су Иянь бросил одно слово:

— Пошел вон.

Тан Сун попросил Су Ияня принести кашу, потому что Фу Синчэнь должен был остаться на вечерние занятия.

Фу Синчэнь оставался на вечерние занятия по просьбе Тан Суна.

Тан Сун в прошлой жизни, должно быть, был рисовым пирогом, да еще и с сырной начинкой. Фу Синчэнь однажды сделал неверный шаг, и с тех пор ему было сложно отказывать Тан Суну.

Но если бы он сам этого не хотел, разве Тан Сун смог бы добиться своего?

Фу Синчэнь в последнее время не оставался на вечерние занятия, и Цуй Янь не обращала на это внимания. Честно говоря, у Цуй Янь были свои причины: кто бы не хотел, чтобы ученик из ее класса был лучшим?

Но Цуй Янь не понимала, почему Фу Синчэнь пользовался такой популярностью в классе, словно его уже считали первым в обеих школах.

Цуй Янь решила, что так нельзя. Еще даже экзамены не начались, а они уже сдались. Поэтому она задала кучу домашних заданий, надеясь поднять боевой дух учеников.

Боевой дух не поднялся, зато появилось желание умереть.

За целый день самостоятельных занятий Фу Синчэнь не смог выполнить все задания. Он обернулся к Тан Суну:

— Ты все сделал?

— Ты про что? Про завещание?

— Что случилось с Цуй Янь? Почему она задала столько заданий? — Фу Синчэнь взял ручку со стола Тан Суна. — Одолжи.

Этот «отличник» был ненастоящим. У него даже второй ручки не было, и когда он писал слишком много, приходилось занимать у Тан Суна.

— Эта ручка исчезает, возьми другую, — Тан Сун протянул Фу Синчэню другую ручку.

Он обменял ручку с наполовину израсходованными чернилами на новую, которую держал Фу Синчэнь.

— Брат, ты голоден? — спросил Тан Сун.

— Не очень. А ты? У меня есть молоко.

— Угощу тебя кашей.

— Сейчас?

У Тан Суна всегда находились неожиданные способы устроить хаос. Если бы он сейчас сказал, что у него есть рисоварка, Фу Синчэнь бы не удивился.

Тан Сун посмотрел на телефон:

— Сейчас будешь есть?

Фу Синчэнь кивнул:

— Куда пойдём?

— Жди здесь, одолжи мне куртку.

Сказав это, Тан Сун накинул пуховик Фу Синчэня и вышел.

Су Иянь сказал, что придет, но вместо него пришел Вэй Синьцы.

Вэй Синьцы стоял у ворот школы и внимательно наблюдал за Тан Суном, спускавшимся вниз. Он должен был признать, что Тан Сун был тем типом, который легко мог очаровать девушек. Его взгляд был слишком проникновенным.

— Почему ты?

— У Сяо Су дела, — Вэй Синьцы передал кашу через щель в заборе: две порции белой каши и три закуски.

— О, вы так близки?

Тан Сун спросил это небрежно, но Вэй Синьцы ответил не так:

— А ты с ним близок?

Тан Сун почувствовал запах гиацинта. Аромат был агрессивным, сладким с горьковатым оттенком и очень насыщенным.

Тан Сун прищурился:

— Сирень все же приятнее.

Вэй Синьцы замешкался, аромат гиацинта постепенно исчез, и Тан Сун одержал победу без боя.

Су Иянь был сиренью.

— Спасибо, — сказал Тан Сун, глядя на удаляющуюся фигуру Вэй Синьцы. — Брат, я просто пошутил.

Вэй Синьцы обернулся и через забор сказал Тан Суну:

— Увидимся на соревнованиях через два дня.

Вэй Синьцы тоже участвовал в дебатах?

Тан Сун словно наткнулся на сенсацию и с энтузиазмом собирался поделиться этим с Фу Синчэнем.

Фу Синчэнь писал контрольную, но почувствовав аромат каши, понял, что все же немного голоден.

Хао Доюй тоже почувствовал запах. Неизвестно, в каком заведении Су Иянь купил эту кашу, но белый рис варился так долго, что стал почти густым, как каша.

Хао Доюй с ехидной улыбкой сказал:

— Сун Сун, ты такой хороший.

Тан Сун холодно усмехнулся:

— Я знаю.

— Ты знаешь? А ты не хочешь как-то отблагодарить?

Тан Сун порылся в пакете и протянул Хао Доюю бесплатную мятную конфету:

— Не благодари.

Хао Доюй смотрел, как Тан Сун ставит кашу на стол Фу Синчэня, и сказал:

— Тебе не нужно беспокоиться о Хао Доюе.

Фу Синчэнь чувствовал себя неловко, но прозвенел звонок, и Хао Доюй успел унести только одну закуску Тан Суна.

Фу Синчэнь почувствовал, что к нему относятся по-особенному, и написал Тан Суну сообщение:

[Сколько стоит? Давай разделим пополам.]

[Три тысячи, дай мне полторы.]

Тан Сун запросил огромную сумму, и Фу Синчэнь вдруг вспомнил их первую встречу.

[Ты тогда, в период восприимчивости, меня обманул?]

Фу Синчэнь услышал, как Тан Сун тихо засмеялся.

[В чем я тебя обманул?]

[Двадцать юаней и то, что не было телефона.]

Тан Сун тогда не думал, что они еще увидятся. В период восприимчивости он говорил, что хотел, но теперь он понимал, что если бы знал, что будет продолжение, сказал бы что-то другое.

Наверное, он бы не сказал того, что сказал тогда. В голове Тан Суна было множество способов произвести впечатление на Фу Синчэня, а не оставить его с воспоминанием о двадцати юанях.

[А почему ты тогда зашел в переулок?]

Это было так давно, что Фу Синчэнь сам не помнил, зачем он полез в чужие дела. Подумав, он ответил Тан Суну.

[Ждал, чтобы меня обманули.]

Фу Синчэнь, казалось, всегда ждал, чтобы его обманули. Чернила в ручке снова закончились, и он снова обернулся к Тан Суну.

Тан Сун сказал:

— Чем ты отдашь?

Фу Синчэнь не ожидал, что за ручку нужно будет что-то отдавать:

— Верну завтра?

— Мне не нужна ручка.

— Тогда что тебе нужно?

О, многого.

Тан Сун положил в ладонь Фу Синчэня конфету:

— Завтра днем Су Иянь будет проводить тренировочный дебат, возьми отгул и составь мне компанию.

Фу Синчэнь подумал:

— Во сколько?

— Не так нужно отвечать. Ты должен сказать: «В любое время».

<http://bllate.org/book/15568/1385613>